

UDC 93/94

YOUTH ORTHODOX RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN POST-REVOLUTIONARY PERIOD

Yury N. Makarov

Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
Doctor of History, Professor
E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

The article considers youth orthodox religious organizations in first post-revolutionary decade.

Keywords: orthodoxy, youth, religious organizations, Soviet power.

В первые два послереволюционных десятилетия при многих общинах большинства религиозных объединений разной конфессиональной направленности функционировали молодежные кружки (группы, секции, собрания), в ряде случаев, объединившиеся между собой на региональном или общегосударственном уровне [1]. Самыми мощными молодежными структурами, насчитывавшими сотни тысяч активно действовавших членов, обладали евангельские христиане и баптисты [2].

Сохранились документальные свидетельства о существовавших в 1917–1920 гг. православных детских и молодежных организациях [3]:

- «Андреевский детский союз» (при Братстве Андреевского собора, Пг.);
- «Церковные юные разведчики» (рук.: прот. И. Егоров, Пг.);
- детские кружки при «Братстве приходских советов Пг. и Пг. епархии», «Братстве Александро-Невской лавры» (Пг.) и др.;
- «Детский союз при Новодевичьем монастыре Пг. епархии»;
- «Кружок молодых реформаторов» при храме Св. Николая (Колпино, Пг. епархии) под рук. св. А.И. Боярского;
- «Христовы цветочки» (Барнаул).

Православные молодежные кружки функционировали с июля-сентября 1919 г. по 1920 г. и на территории, контролировавшейся А.И. Деникиным. Постановление Временного Высшего Церковного Управления на юго-востоке России от 2 сентября 1919 г. содержало призыв к студенчеству, учащимся средних и начальных учебных заведений, законоучителям и епархиальным преосвященным объединить усилия в целях выработки и практического налаживания системы «православного воспитания и самовоспитания юношества». Рекомендовалось использовать опыт «Христианского содружества учащейся молодежи» при «Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви», действовавшего в Петрограде в дореволюционное время. В постановлении ВЦУ подчеркивалась важность для всей православной учащейся молодежи осознать себя активным участником «борьбы защитников православия и государственного порядка с ... гидрой большевизма» [4].

С начала 1920-х годов в состав молодежных религиозных объединений, допускались, как правило, лица не старше 30 лет, но не моложе 18-летнего возраста (дабы не входить в конфликт с советским законодательством о культах).

В первой половине 1920-х гг. Православная Церковь, озабоченная проблемами борьбы с раскольниками внутри своих рядов, должного внимания формированию молодежных союзов уделить не могла. Сказывалось и то обстоятельство, что уповавшее до революции на царский чиновничий аппарат православие, судя по всему, не успело к тому

времени выработать эффективных методов борьбы за подрастающее поколение. Правда, в ряде мест (Ленинград, Свердловск, ЦЧО) были предприняты попытки создания кружков молодежи при православных храмах. Но ни православно-обновленческие молодежные структуры (в середине 1920-х гг. при Сталинградском Александро-Невском соборе было организовано общество юношей и девушек, в задачу которого входило наглядное внедрение обновленческой идеологии в среду староцерковников [5]; православно-обновленческий молодежный кружок под рук. свящ. А.И. Боярского возобновил свою деятельность в Ленинградской епархии не позднее февр. 1927 г. [6]), ни подпольные религиозные школы и кружки тихоновского направления в широкое религиозно-молодежное движение так и не смогли трансформироваться [7]. А.И. Введенский на III-м Всероссийском Поместном Соборе (октябрь 1925 г.) говорил по этому поводу, что «в ограде христианских церквей еще кое-как держатся старые поколения, но молодежь всюду сильно заражена атеистическим духом ... колоссальный рост неверия угрожает обратить церковь в нечто подобное обществу археологов, хранящих ценности никому уже ненужные» [8]. Только в новых условиях, сложившихся после опубликования Декларации митр. Сергия 1927 г., началась реализация программы «христианизации молодежи», разработанной еп. Муромским Евгением (Кобрановым). Программа, разосланная в виде циркуляра, по приходам Муромской епархии, предписывала духовенству приступить к христианизации детей с привлечением к решению этой задаче церковного причта, восприемников, родителей и, вообще всех, «усвоивших христианско-нравственное вероучение». Среди прочего, программой предусматривалось более частое обращение к проблемам детского воспитания в церковных проповедях; проведение специальных семинаров для родителей, многообразные внешкольные формы религиозного воспитания: экскурсии (археологические, зоологические) с «религиозным освещением вопросов», физкультура в качестве «безгрешного развлечения». Планировалось изучение детской Библии в рамках кружков «младенцев Иисуса» и «младенцев Марии» при храмах, разработка специальных «уроков – заданий» (вывешиваемых на папертях) для детей верующих родителей, включавших изучение религиозных произведений искусства, ознакомление с религиозно-публицистическими произведениями, подготовленными местными священнослужителями и др. Однако этим планам так и не суждено было в полной мере воплотиться в жизнь даже в масштабах одной епархии [9].

Вместе с тем, в 1920-е годы в различных городах бывшей Российской империи (Москва, Ленинград, Киев, Нижний Новгород и др.) существовал целый ряд легальных и нелегальных интеллигентских религиозно-философских кружков и групп. Часть из них придерживалась традиционной (православной, как правило) конфессиональной ориентации (хотя и находилась вне рамок организационных структур того или иного зарегистрированного религиозного объединения), другие представляли собой различные разновидности мистических культов.

Подобного рода духовная активность, нередко антикоммунистически направленная, представляла опасность для Советской власти, лихорадочно стремившейся укрепить и слить в монолит страну в преддверии ожидавшейся многими к концу 1920-х годов европейской войны. Советское государство не могло себе позволить предстать во внешнем конфликте с беспокойным и идеологически неоднородным тылом.

Весной 1921 г. в структуре комсомольских органов стали создаваться секретные отделы, занимавшиеся, среди прочего, выявлением некоммунистических и антикоммунистических юношеских организаций и слежкой за их активистами, оставляя функцию ликвидации нелегальных молодежных формирований сотрудникам ЧК. 4 января и 7 февраля 1922 г. Бюро ЦК РКСМ высказалось за необходимость организации при ВЧК/ГПУ специального подразделения (с представительством от ЦК комсомола) для «наблюдения» за некоммунистическими молодежными союзами («выделенный на эту работу товарищ является подотчетным ЦК РКСМ»). Докладная записка по этому поводу

10–11 февраля 1922 г. была направлена в Оргбюро ЦК РКП(б). 13 февраля Президиум ВЧК согласился на предложение ЦК РКСМ «в том смысле, что на помощника начальника Секретного отдела возлагается ведать специально делами молодежи, для чего ему поручается войти в тесную связь с ЦК РКСМ, получая от них нужную информацию и информируя их в свою очередь о материалах, имеющихся в Секретном отделе ВЧК». 3 апреля 1922 г. Пленум ЦК РКСМ поручил губбюро комсомола наметить товарищей, персонально ответственных за связи с губотделами ГПУ [10].

Роль спецслужб в подавлении активности религиозных юношеских организаций была исключительно велика. Не случайно, в апреле 1926 г. в ходе работы Антирелигиозного совещания при АПО ЦК неоднократно заявлялось, что единственным реальным сдерживающим фактором роста сектантского молодежного движения являются именно органы ОГПУ [11], хотя принятие сугубо административных мер в отношении организаторов оппозиционного молодежного движения затруднялось отсутствием формальных оснований для их преследования (все члены кружков были старше 18-летнего возраста).

В ноябре 1928 г. в Ленинграде чекистами была ликвидирована организация, именовавшая себя «Братство Серафима Саровского». Как показало следствие, в далеком 1918 г. в городе начал функционировать кружок, называвшийся сначала «Содружеством 5-ти», а затем (по мере увеличения его рядов) переименованный в «Содружество близких по духу людей». В 1922-1923 гг. в кружке обучались основам православия и изучали русскую литературу дети из интеллигентских семей. Члены кружка ставили своей целью «... вырвать молодежь из-под пагубного влияния новых школ и ... аморального комсомола». В 1925 г. состав кружка значительно расширился за счет преподавателей вузов и служащих (в частности, в него вошли члены «Художественно-литературно-философско-религиозной научной академии» – «Хельфернак», существовавшей с 1921 г.). В 1926 г. (по другим сведениям – еще в 1922 г.) объединение приняло новое название – «Братство Серафима Саровского» (далее – БСС). [Отличную от версии ОГПУ картину зарождения «Братства» рисует Д.С. Лихачев, по воспоминаниям которого, именно «Хельфернак» составил основу БСС].

К середине 1920-х гг. БСС, специализировавшееся на изучении святоотеческого наследия и анализе вопросов современной церковной жизни (в духе «охранительного православия»), состояло, главным образом, из вузовских работников и учащихся тех петроградских школ II ступени, в которых преподавал И.М. Андреевский [12].

Андреевский в качестве главы БСС вместе с А.П. Обновленским руководил также работой специального православного кружка, служившего для испытания и подготовки кандидатов в члены «Братства».

В 1927 г. (по другим сведениям – в мае 1926 г.) ряд членов БСС – Ф.К. Розенберг, Д.С. Лихачев и др. – создали автономную в организационном отношении структуру под названием «Космическая Академия Наук» (далее – КАН).

Не преувеличивая степени политизированности интеллигентских кружков укажем, тем не менее, что в работе Академии прослеживались сильные антикоммунистические и особенно антисемитские настроения. На ее заседаниях читались доклады «о февральской и октябрьской революциях, о действиях советского правительства, ... о работе органов ОГПУ (статистика расстрелов), о засилии евреев и т.д.». По мнению членов КАН, «в России царит теперь невероятный в мировой истории гнет и насилие над живой мыслью под редакцией жидовствующих чекистов». Как писал впоследствии Д.С. Лихачев, гонения на церковь «были настолько непереносимы для любого русского, что многие неверующие начали посещать церковь, психологически отделяясь от гонителей». «В разыгравшемся в 1927 г. и последующие годы в споре сергианцев и непримиримых иосифлян мы, интеллигентная молодежь, были всецело на стороне Иосифа ... иного подхода к

церковному расколу у нас и не могло быть. Мы стояли на стороне гонимой церкви и к рациональным компромиссам ... просто не могли примкнуть».

ПП ОГПУ в ЛВО о существовании Братства стало известно, по-видимому, с середины 1920-х гг., тогда же началась и его агентурная разработка, впрочем, достаточно быстро обнаруженная членами БСС. Однако предпринятая в целях конспирации И.М. Андреевским и Д.С. Лихачевым инсценировка самороспуска организации (1927 г.), чекистов, по-видимому не убедила, и работа по БСС продолжилась. Возможно, внимание сотрудников органов ГБ привлекли связи И.М. Андреевского и Д.С. Лихачева с настоятелем Преображенского собора о. Сергием (Тихомировым), разрабатывавшемся ОГПУ в связи с попытками главы РОВС А.П. Кутепова установить связь с однополчанами (по возглавлявшемуся им до 1917 г. Лейб-Гвардии Преображенскому полку), оставшимися в СССР и традиционно собиравшимися вокруг полкового храма. Последнее обстоятельство (а не только отрицательное отношение отца Сергия к «антихристовой власти», как это виделось впоследствии Д.С. Лихачеву) стало причиной ареста настоятеля полкового храма первого полка русской Гвардии.

Остававшиеся на свободе члены БСС стали предпринимать усилия по оказанию помощи арестованным и тем самым вновь привлекли к себе внимание сотрудников ПП ОГПУ в ЛВО, которым, в частности, стало известно, что член БСС, известный философ С.А. Алексеев-Аскольдов входит также в состав антисоветской подпольной организации «Воскресение» [13].

Легальное существование детских и молодежных структур (в чистом виде, либо в качестве литературных, рукодельческих, драматических и т.п. кружков) продолжалось в советской стране до конца 1920-х годов. Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» (конкретизированного Инструкцией НКВД № 238 от 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений») религиозным обществам было воспрещено создавать «специально ... по обучению религии группы, кружки, отделы ... не допускалось преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных учреждениях» [14].

Однако и после этого, в течение всей первой половины 1930-х годов, молодежные религиозные объединения по-прежнему существовали в ряде местностей СССР либо в реорганизованном виде в качестве «троек» обучающихся основам вероучения (такая организационная форма в общем и целом не противоречила действующим на тот момент законодательным положениям), либо полностью перейдя на нелегальное положение.

Примечания:

1. Русское и советское молодежное движение в документах. 1905–1937 гг. М., 2002; Крапивин М.Ю. К вопросу о классификации религиозно-политических организаций молодежи (1917–1925 гг.) // Исторический опыт борьбы КПСС с непролетарскими партиями, группами, течениями за молодежь (1903 – середина 20-х гг.). Л., 1990. С. 127–145 и др.

2. См. подробнее: Макаров Ю.Н. Религиозные и религиозно-политические организации молодежи, действовавшие на территории СССР (октябрь 1917–1930-е годы) // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 3. С. 134–154; Макаров Ю.Н. Власть, ВЧК и Русская православная церковь в первые годы советской республики (1917–1920 гг.) // История и историки в контексте времени. 2003. № 1. С. 4–26; Макаров Ю.Н. Власть и церковь в России после октября 1917 г. // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 67–80.

3. ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Д.47. Л. 58.

4. Церковные ведомости (Таганрог). 1919. № 4. С. 25–30.

5. Платонов Н.Ф. Православная церковь в 1917–1935 гг. С. 225.

6. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. С. 29; Флеров В.С. Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. С. 85, 90 и др.

7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.60. Д. 1043. Л.26; Оп.67. Д.262. Л. 139.

8. Ракушева Л. Комсомол против религии. Л., 1939. С. 12.

9. РГАСПИ. Ф.17. Оп.161. Д.13. Л. 16.

10. РГАСПИ. Ф.М-1. Оп.3. Д.3. Л.4., 75, 86, 88, 90, 96; Д.3 а. Л. 1, 70–73.

11. РГАСПИ. Ф.17. Оп.60. Д.794. Л.59–60., 70; Д.1043. Л. 25–32.

12. Андреевский /Андриевский (Андреев) И.М. (1894–1976), филолог, врач, историк Церкви, профессор, преподаватель, противник политики митр. Сергия, по взглядам близкий к ИПЦ. Весной 1928 г. арестован и сослан на Соловки. В первой половине 1930-х годов был освобожден. Во время Великой Отечественной войны, будучи на оккупированной территории, был переправлен в Германию. Остался на Западе. Работал и умер в США.

13. Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 2000. С. 157, 171, 175–177, 180, 182.

14. ГА РФ. Ф.5263. Оп.1. Д.6. Л.12–13; Бюллетень НКВД. 1929. №37 (окт.).

УДК 93/94

ПРАВОСЛАВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Юрий Николаевич Макаров

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
354003, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

В статье рассматриваются православные религиозные молодежные организации в первое послереволюционное десятилетие.

Ключевые слова: православие, молодежь, религиозные организации, советская власть.